

Тоска цвета заката

Света Калния

Света Калниня

Тоска цвета заката

«Автор»

2026

Калниня С.

Тоска цвета заката / С. Калниня — «Автор», 2026

мифологическая повесть по мотивам китайской легенды о Пастухе и Ткачихе
— с собственным сюжетом, героями и миром. Для читателей 12+.

© Калниня С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Небесная деревня	5
Пастух и его буйвол	6
Ошибка небесной книги	7
Спуск	8
Река и берег	9
Склад снов	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Света Калниня

Тоска цвета заката

Небесная деревня

Высоко-высоко, выше самых высоких облаков, там, где небо ещё не кончается, но уже становится другим — тягучим, светлым, будто расплавленный жемчуг, — стояла Небесная деревня. Не деревня даже, а целый город ткачих: бесконечные ряды домов из лунного камня, а между ними — мосты из застывшего тумана и сады, где вместо фруктов зрели созвездия.

Там жила Чжинюй — Ткачиха Облачных Полей. Её руками были сотканы все закаты мира. Когда на земле солнце опускалось за горы, Чжинюй брала серебряный челнок, и руки её начинали двигаться — быстро, неумолимо, — и на небо ложились полосы цвета спелой хурмы, потом цвета гранатовых зёрен, потом тёмно-синие, как глубокая вода. Люди внизу видели это и говорили: «Какой красивый вечер!» — и не знали, что красный шёлк на небе соткан чьими-то живыми руками.

Чжинюй была внучкой Небесной Владычицы — самой Внуты, хозяйки небесного дома. Бабка её любила, но любила по-своему: строго, как любят драгоценную вазу — чтобы стояла на полке и никуда не исчезала.

— Ты не человек, ты ткачиха небес, — говорила ей Внута. — Твои руки не для того, чтобы держать чужие ладони. Твои руки — для челнока.

И Чжинюй кивала. Она не спорила. В Небесной деревне вообще не спорили — от этого в небесах слишком громко получалось, а гром полагалось отправлять вниз только по особому приказу.

Но по ночам, когда все ткачихи спали, Чжинюй подходила к окну и смотрела вниз. Внизу был тёмный-тёмный мир, усеянный огоньками. «Что это за огоньки?» — спрашивала она у старой ткачихи Юньпо, которая в детстве один раз, всего на один час, спускалась на землю за нитками для радуги.

— Это очаги, — отвечала Юньпо. — У людей в каждом доме очаг. Вокруг очага собираются все, кого они любят, и едят рис, и смеются, и делятся снами.

— Делятся снами? — переспрашивала Чжинюй.

— Да. Слова у людей маленькие и глупые, так они научились отдавать друг другу сны, как отдавали бы пирог. Съешь половину моего сна — и тебе приснится моё детство.

Чжинюй никогда ничего не делила. В небесах не делили снов. В небесах даже чай пили молча.

«Наверное, внизу очень страшно жить, если там нужны сны друг друга», — думала она и почему-то каждый раз, думая это, прижимала ладонь к груди, где чувствовалось что-то тяжёлое и незнакомое. Словно в сердце застрял маленький кусочек льда.

Пастух и его буйвол

А внизу, в долине между двух зелёных гор, жил мальчик по имени Ньюлан — Пастух.

Жил он один, если не считать буйвола по имени Лаохуан, что значит «Старый Жёлтый». Родители его умерли рано, старший брат с женой выгнали его из дома, оставив ему ровно то, что полагается оставить сироте: плетёную хижину, клочок земли у самой реки и буйвола, который был уже стар, слишком стар, чтобы пахать.

И вот что странно: Ньюлан не был несчастным.

Он вставал до рассвета, гнал буйвола на пастбище, пел — неловко, вполголоса, — потому что в хижине петь было не с кем, а в поле петь стыдно, но в поле было только небо да буйвол, и Ньюлан решил, что небо не осудит, а буйволу всё равно. К вечеру возвращался, разжигал очаг, варил рис и, пока рис варился, рассказывал буйволу обо всём, что видел за день: вот сорока украла у него лепёшку, вот в реке всплыла рыба размером с его ладонь, вот облако стало похожим на дракона, а потом разошлось и стало похожим просто на облако.

Буйвол слушал. И однажды — Ньюлан был уверен, что ему не почудилось, — буйвол кивнул.

На следующий день он кивнул снова.

На третий день Ньюлан сидел у него на спине и спрашивал:

— Ты же правда слушаешь, да? Ты не просто жуёшь?

И буйвол — медленно, с достоинством, как старик, который сто лет ждал, чтобы его наконец спросили, — кивнул третий раз.

— Тогда я скажу тебе секрет, — прошептал Ньюлан, хотя вокруг не было никого, кроме кузнечиков. — Мне одиноко. Но не так, как думают люди. Не «мне не с кем разговаривать». А вот так: у меня есть место в груди, как окошко. И оно открыто. И из него всё время тянет ветром, потому что никто не пришёл.

Старый Жёлтый долго молчал. Потом сказал — да, сказал, человеческой речью, и голос его был как скрип старых саней:

— Ветер из открытого окна — это не беда, пастушок. Это приглашение. Ты просто пока не знаешь, кто на него откликнется.

Ньюлан так и не понял тогда, кем говорил буйвол. Небесным духом, заколдованным за старый грех? Хранителем долины? Ему было всё равно. Главное — у него теперь был друг. Друг, который знал, что такое открытая форточка в груди.

Ошибка небесной книги

В Небесной дворце существовала Книга Чередований — огромный свиток, где записывалось, что кому полагается: кому ткать закаты, кому посылать дождь, кому носить облака. Свиток этот писала не Владычица — свиток писал сам себя, тонкими невидимыми буквами, и никто никогда не решался его трогать.

Но однажды старший писец, Тунбо, который три тысячи лет не сделал ни одной ошибки, ошибся.

Он переписывал Книгу в новую обложку — таков был порядок каждые десять тысяч лет, — и капнуло чернильное зёрнышко. Всего одно зёрнышко, размером с пылинку. Оно упало на строку, где было записано: *«Ткачиха Чжинюй: ткать закаты, не покидая небес»*.

Чернильное зёрнышко расплылось. Буква «не» поглотила следующую строку — и в Книге осталось: *«Ткачиха Чжинюй: ткать закаты, покидая небес»*.

Грамматически это был абсурд. Но Книга Чередований не знала грамматики — она знала только волю. И воля в написанном оказалась такой: **покидая**.

А внизу, в долине между двух гор, небесный ветер, летящий мимо, поймал звук: мальчик пел. Грубый, тёплый, совсем не небесный голос пел песню про то, что облако на закате похоже на лодку, а лодка пусть приплывает к тому, кто ждёт.

Книга Чередований дрогнула. И записала на пустой строке, которой раньше не было: *«Приглашение получено»*.

Спуск

В ту же ночь Чжинюй проснулась от того, что её челнок гудел.

Сам, без рук, серебряный челнок на ткацком станке задрожал и загудел, как пчела, услышавшая летний луг. Ткачихи небес никогда не слышали ничего подобного. Чжинюй встала, подошла к станку — и челнок прыгнул ей на ладонь.

— Хочешь полететь? — прошептала она.

Челнок потянулся к окну, как котёнок тянется за солнечным зайчиком.

Чжинюй знала правила. Знала лучше всех: спускаться нельзя. Небесным ткачихам не положено дышать земным воздухом, потому что земной воздух пропитан человеческими желаниями, а желание, попавшее в небесную грудь, не выветривается никогда — только ткёт изнутри.

Она открыла Книгу Чередований — посмотреть, кто отдал приказ. И прочитала строку: *«Ткачиха Чжинюй: ткать закаты, покидая небес»*.

Строка была ровной, чистой, уверенной. В Книге Чередований не бывает опечаток. Так думала Чжинюй. Так думали все. Книга писала сама себя и ошибаться не умела — иначе рухнуло бы небо.

«Значит, так надлежит», — сказала она себе. И была права лишь наполовину: надлежит было так не ей, а льдинке в её сердце, которая вдруг потеплела и превратилась в каплю.

Она надела своё лучшее платье — сотканное из первого утреннего света — и ступила на край облака.

Внизу горели очаги. Внизу кто-то пел.

И Чжинюй шагнула вниз — легко, как падает лепесток хурмы, — и небо не рухнуло.

Река и берег

Нюлан нашёл её на рассвете, у самой воды.

Она стояла босая на мелководе и смотрела на своё отражение, и отражение это её пугало: в нём не было привычного небесного свечения. Оно было просто девичьим лицом — с песчинкой на щеке, с распущенными волосами.

— Ты кто? — спросил Нюлан, остановив буйвола. Он не испугался. Люди, выросшие одни, редко боятся незнакомцев: им больше грозит другое — что незнакомец не остановится.

— Я тку, — ответила Чжинью. Она не умела врать; в небесах никто не умел, лгать там нечем, слово сразу принимает форму. — Я тку закаты. Ночью я прихожу к вам во сне — нет, стоп, это Юньпо рассказывала про сны не про нас... — Она запуталась и умолкла. На земле она впервые в жизни путалась в словах, и это было похоже на свободу.

Нюлан посмотрел на неё внимательно. Потом на буйвола. Буйвол сидел в камышах с видом старого свата, который уже всё решил.

— В моей хижине варится рис, — сказал Нюлан. — Его всегда слишком много, потому что я варю на двоих с тех пор, как... с тех пор, как себя помню. Хотя был всегда один. — Он осёкся и добавил: — Приходи есть. Ты, наверное, голодная. На тебе платье как утренний свет, а под глазами тени, как после грозы.

Чжинью впервые в жизни слышала, чтобы о ней говорили так — не «дочь Владычицы», не «первая ткачиха небес», а просто: ты голодная, приходи есть.

— У меня есть один вопрос, — сказала она. — Ты делишься снами? Юньпо говорила, что люди делятся снами.

— Снами?.. — Нюлан почесал затылок. — Я никогда ни с кем не делился. Но у меня их много. Целые склады. Я их никому не рассказывал, потому что буйвол не спит ночами и не видит снов, а рассказывать сны облаку жалко — оно ведь всё равно растает к утру.

— Тогда я приду, — сказала Чжинью.

И пошла за ним по тропинке вдоль реки, и буйвол шёл сзади, и ткать ему не было нужды кивать — Нюлан и так уже всё понял.

Склад снов

Рис в тот вечер был самый обычный: чуть подгоревший, пересоленный. Чжинюй съела три чашки и попросила ещё — в небесах не знали вкуса еды, небесная пища питала, но не радовала, и теперь она вдруг поняла, что всю жизнь ела ради продолжения работы, а не ради того, как это бывает вкусно.

Потом они сидели у очага, и Нюлан начал рассказывать сны.

Он рассказал про сон, где его мать — он помнил её смутно, только руки — кормит со двора диких гусей, и гуси становятся всё жирнее и доверчивее, и в конце концов один садится ему на плечо и остаётся на всю зиму.

Он рассказал про сон, где он — не пастух, а ткач, и ткёт на станке полотно шириной с небо, и все, кто носит одежду из этого полотна, не могут ссориться, потому что нити сшиты из примирения.

Он рассказал про сон, где река вспоминает своё русло.

Чжинюй слушала и чувствовала, как льдинка в её груди — та самая, застрявшая в незапамятные времена, — тает и течёт тёплой водой. Она не знала, что это называется «рыдать хочется от счастья», она думала, что у неё просто негде растянуться сердцу.

— А теперь твоя очередь, — сказал Нюлан. — Поделись сном. Любим. Даже если небесные сны слишком высокие для меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.